

КОМИТЕТ

ПО УВЕКОВЕЧЕНИЮ ПАМЯТИ Г. В. ПЛЕХАНОВА

3
283-3a

283-3a

ГРУППА
«ОСВОБОЖДЕНИЕ
ТРУДА»

(ИЗ АРХИВОВ Г. В. ПЛЕХАНОВА,
В. И. ЗАСУЛИЧ И Л. Г. ДЕЙЧА)

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Л. Г. ДЕЙЧА

СБОРНИК № 3

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА

1925

ЛЕНИНГРАД

СОДЕРЖАНИЕ.

	<i>Стр.</i>
<i>Г. В. Плеханов.</i> —Что такое социализм?	5
<i>Фр. Энгельс.</i> —О захвате власти «Исполн. Ком-том Народной Воли».	21
<i>П. А. Берлин.</i> —Плеханов-западник	28
—	
<i>Л. Г. Дейч.</i> —Г. В. Плеханов в „Земле и Воле“	44
<i>Н. Кулябко-Корецкий.</i> —Мои встречи с В. И. Засулич	68
<i>Р. М. Плеханова.</i> —Страница из воспоминаний о В. И. Засулич	82
<i>М. Каменская.</i> —Жизнь Г. В. Плеханова в конце 80-х г.г.	88
<i>Л. Дейч.</i> —Я. В. Стефанович среди народовольцев.	96
<i>Л. М. Л.</i> —В. Н. Игнатов	122
<i>Л. Г. Дейч.</i> —Из карийских тетрадей: III. Печальная весть с родины. IV. Аня.	129

ПИСЬМА:

<i>П. Б. Аксельрод.</i> —Товарищам в Швейцарию	139
<i>„Исп. Комитет“.</i> —К заграничным товарищам	143
<i>С. Кравчинский.</i> —К членам „Исп. Ком-та Нар. Воли“.	152
<i>Л. Дейч.</i> —К товарищам в Россию.	154
<i>С. Кравчинский.</i> —К Л. Г. Дейчу.	157
<i>Л. Дейч и Я. Стефанович.</i> —Переписка.	161
<i>А. И. Зунделевич.</i> —К Л. Г. Дейчу.	197
<i>Г. В. Плеханов.</i> —К В. И. Засулич.	227
<i>В. И. Засулич.</i> —К С. Кравчинскому-Степняку	243
<i>Г. В. Плеханов.</i> —Переписка с иностранными товарищами	245

<i>Л. Дейч.</i> —Основательно ли нападение?	260
<i>Я. В. Стефанович.</i> —Русская революционная эмиграция	278
Показания „знатных путешественников“	293
<i>Р. М. Плеханова.</i> —Наши встречи со „знатными путешественниками“.	298
<i>Г. В. Плеханов.</i> —Новая драма в Сибири	304

	<i>Стр.</i>
Агентурные сообщения о Розалии Боград	307
<i>Р. М. Плеханова.</i> —Охота за Г. В. Плехановым	309
<i>Г. В. Плеханов.</i> —Недоумение по поводу П. П. С.	312
Материалы из архива Горн. Института о студ. Плеханове	314
Революционное движение в освещении жандармов	316
Агентурные сведения о деятельности русск. эмигр. в начале 80-х гг.	336
Протокол допроса Н. И. Кулябко-Корецкого	338
<i>Л. Дейч.</i> Вместо библиографии (Ориг. юбил. произв.)	340
<i>Г. В. Плеханов.</i> —Памяти Делина (речь на могиле)	371
<i>Я. В. Стефанович.</i> —Предсмертное письмо	373
<i>Л. Г. Дейч.</i> —Н. И. Кулябко-Корецкий (некролог)	377
В редакционном портфеле	382
Алфавитный указатель имен	387
В тексте фотографии: Я. В. Стефанович	97
В. Н. Игнатов	123
И. Н. Игнатов	123
Я. В. Стефанович в год смерти	374
Факсимиле предсмертного письма Я. В. Стефановича	375

ИЗДАНИЕ

ИЗ ФОНДОВ РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ

ВМЕСТО БИБЛИОГРАФИИ

ОРИГИНАЛЬНОЕ ЮБИЛЕЙНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ.

(«Ист.-Революц. Сбор.», под ред. В. Невского, т. II «Груп. Осв. Тр.»).

Нашей группе «Освобождение Труда», по случаю минувшего осенью 1923 г. сорокалетия, В. И. Невский посвятил второй том редактируемого им «Историко-Революционного Сборника». Мы, находящиеся еще в живых немногие лица, прикосновенные к этой группе, могли бы только почувствовать к нему за это предприятие глубокую признательность. Но В. И. Невский в таком странном виде составил это юбилейное произведение, что оно не только у нас, но и в каждом сколько-нибудь беспристрастном человеке должно вызвать лишь крайнее изумление, а то и возмущение.

Центральное место этого обширного тома, заключающего 420 стр. большого формата, занимает статья Н. Сергиевского — «Группа «Освобождение Труда» и марксистские кружки», вместе с обильным количеством, напечатанных к тому же мелким шрифтом, приложений, — в ней около 180 страниц. Ей предшествует также обширного размера статья самого редактора Сборника, усиленно отсылающего читателя к «исследованию» Н. Сергиевского, следовательно, вполне солидаризирующегося с ним. Какое же в общем впечатление производит это исследование о нашей группе? С первых же строк от него несет недружелюбием, стремлением умалить, приписать эту группу, доказать, что установившийся, господствующий взгляд на ее роль неверен, преувеличен. Но и против такого стремления, — хотя и несколько оригинального для юбилейного произведения, — нельзя было бы возмущаться, будь оно написано объективно, составлено не односторонне. Этого решительно нельзя сказать об обширной статье названного исследователя: она, наоборот, написана в высшей степени тенденциозно, придирчиво, несправедливо. Каждый сколько-нибудь разбирающийся в литературе человек, даже по прочтении лишь первых нескольких страниц, увидит, что автор заранее задался определенной целью — доказать, обставив quasi-объективными, неопровержимыми документами, такое-то положение, тезис, и на недостаточно хорошо разбирающегося читателя его произведение может произвести впечатление серьезного объективного труда; примером такого читателя может служить сам редактор этого

Сборника В. И. Невский, не лишенный, как казалось, знакомства с историей нашего революционного прошлого.

Этим своим произведением, — никакие другие мне не попадались — Н. Сергиевский производит впечатление «новатора», открывающего уже другим открытую Америку, — человека того типа, который обращает на себя, правда, на мгновение, общее внимание доказательством, с будто бы обширным литературным материалом в руках, какого-нибудь мнения, суждения, идущего совершенно вразрез с установившимся взглядом. Таковым «новатором», как известно, явился В. Черкезов, «ниспровергший» Маркса и Энгельса, таким же непризнанным Колумбом оказался Волынский, разнесший вдрызг «бедного» Белинского и других «ничтожных по сравнению с ним» наших критиков-публицистов.

В то время, когда в статье, предшествующей «ученому исследованию» Н. Сергиевского, редактор Сборника заявляет, что с образованием группы «Освобождение Труда» начинается «новая эра в истории русского революционного движения» (стр. 29), когда он признает «Социализм и политическую борьбу» и «Наши разногласия» произведениями «капитальными, огромного теоретического и практического значения для русского рабочего движения» (стр. 31) — Н. Сергиевский крайне сдержан в своем отзыве, и как о роли нашей группы, так и о выпущенных ею первых произведениях, отзывається очень прохладно, сводит это к минимуму. Вот его подлинные слова:

«Заслуги перед революционным движением группы «Освобождение Труда» и, главным образом, его теоретика Г. В. Плеханова по части разработки марксизма и приложения его к российской действительности, наконец, в технической помощи русским социал-демократам путем перевода, комментирования и выпуска брошюрочной марксистской литературы в период, когда в России во время террора Александра III никак нельзя было организовать на более или менее продолжительный срок типографий, — не подлежит спору и никогда не вызывали никакого сомнения. Но не следует извращать исторической перспективы, нельзя отрицать наличия к моменту образования группы «Освобождение Труда» марксистской идеологии в революционных сферах России и практических попыток утверждения ее и образования марксистской партии» (стр. 91).

Этот отзыв о нашей группе более чем прохладен: от него несет холодом. Наш объективный исследователь не может, конечно, отрицать «технической помощи путем перевода, комментирования и выпуска брошюрочной¹⁾ марксистской литературы», но уже из приведенной цитаты ясно, что никакой «новой эры», никаких «капитальных работ огромного теоретического и практического значения» он не признает за нашей группой. При столь резко различной оценке одних и тех же лиц и фактов, юбилею которых посвящен Сборник, естественно выразить удивление, каким образом редактор не только безоговорочно поместил такую «прохладную» статью, но и усиленно рекомендует ее? Для меня, знающего теперь особенности литературных взглядов и при-

¹⁾ Только «брошюрочной?» — «Наши разногласия» лишь брошюра?

емов В. И. Невского, в этом нет ничего неожиданного: как мы ниже увидим, этот усердный подбиратель всякой веревочки на манер го-голевского Осипа, очень плохо разбирается в доставляемом ему другими, да и им самим добываемом материале, когда же вы ему на это укажете, он, вместо прямого признания совершенного им промаха, начинает выворачиваться не совсем правдивым образом; но об этом подробнее ниже.

Как мы видели, Н. Сергиевский счел нужным преподать совет, что «не следует извращать историческую перспективу». Тут вполне уместно сказать: «врачу, исцелися сам», — не мешало бы прежде всего ему проникнуться этой истиной; между тем, как мы сейчас увидим, он очень далек от этого.

Обвинение в «извращении исторической перспективы», судя по предшествующим его сообщениям и рассуждениям, направлено по моему адресу. В самом начале он заявляет: «одновременно с возникновением за границей группы «Освобождение Труда» в Питере из среды тех же чернопередельцев выделяется группа, известная под названием «группы Благоева», тоже социал-демократическая, но, в противоположность заграничной группе с ее преобладающим уклоном к марксизму, вторая имела уклон к лассальянству» (стр. 86).

До сих пор, в течение 40 с чем-то лет, я и другие находящиеся в живых члены и приверженцы группы «Освобождение Труда» были уверены, что с самого ее возникновения мы целиком разделяли взгляды основателей научного социализма. Но вот является Н. Сергиевский, который без дальних слов декретировал, что мы имели только «преобладающий уклон к марксизму». Разве это не крупное открытие, аналогичное сделанному небезызвестным анархистом В. Черкезовым? Мне сугубо огорчительно, что мои друзья — Плеханов и Засулич — рано сошли в могилу: они, поэтому, лишились, кроме многого другого, возможности узнать, что в течение преобладающей части жизни они находились в заблуждении насчет своих марксистских воззрений. Доживи они до появления на свет открытия этого исследователя, они, конечно, немедленно поверили бы ему на слово и сознали бы свою на этот счет ошибку.

Ограничившись декретированием вышеприведенного открытия, Н. Сергиевский продолжает:

«Повидимому, возникновение в Питере социал-демократической группы было не единичным фактом». Из чего это «повидимому» вытекает? А вот послушайте: «По крайней мере, — пишет он далее, — один из историков (!), Акимов-Махновец, утверждает (!), что социал-демократическое движение в России возникло как естественный продукт общественной жизни».

Правилен ли этот прием? Сперва «группа Благоева», имевшая, по собственному признанию Сергиевского, «уклон к лассальянству», а по признанию самого основателя ее Благоева также еще к лавризму и к народовольчеству, возводится в «социал-демократическую», затем из этого, будто бы, логически вытекает, что «повидимому» она не была единственной, а в подкрепление этого вывода следует выражение:

«по крайней мере» и ссылка на такого видного «историка», как Махновец, *не доказавшего*, а только «утверждающего», — к тому же без малейших оснований. Эта аргументация, как видим, противоречит элементарной логике. Но особенно оригинально, что в дальнейшем наш автор, очевидно, совершенно забыл *условность* сделанных им же первоначально заявлений — «повидимому», «по крайней мере» — и он исходит уже как из будто бы неопровержимо *доказанного* им факта, что кроме «социал-демократической «группы Благоева» было еще немало других, и, как мы уже знаем, *единственным* доводом его является ссылка на столь неоспоримый «авторитет», как «историк» Акимов-Махновец. Последний, видите ли, на протяжении всего двух лет дал два противоположных, при этом вполне голословных, утверждения насчет *времени появления* в России социал-демократических кружков: в первый раз (в 1906 г.) он отнес их появление к *концу* 80-х годов и дал один список городов, а в 1908 г., по его же *утверждению*, они уже имелись в *середине* того десятилетия, при чем перечень городов не вполне совпадает с предидущим. Но это несколько не смущает Н. Сергиевского: он до того расположен к признаваемому им одним «историком» Махновцу, что без всякого повода со стороны последнего, — исключительно руководимый любовью к истине, — сам придумал объяснение этого явного противоречия.

«Пополнив, — говорит Н. Сергиевский, — свои знания новыми рассказами современников, он (т.-е. «историк» Махновец. Л. Д.) отказывается от своих первоначальных утверждений» (88 стр.).

Из чего видно, что этот «историк» действительно пополнил свои «знания» и «отказался» от прежнего взгляда, это ничем не доказано, — мы принуждены верить голословному утверждению доброжелателя Махновца, т.-е. Н. Сергиевскому, строго внушающему мне «не искажать исторической перспективы».

Поскольку, как видим, Н. Сергиевский снисходителен и предупредителен к последнему, постольку же он требователен и строг к нам, членам группы «Освобождение Труда».

«Дейч, — заявляет он далее, — конечно, неправ, когда он утверждал, что Акимов будто бы относит момент образования заграничной группы ко времени «уже» после образования внутри России социал-демократических кружков» (та же стр.).

Прежде всего, я этого вовсе *не утверждал*, а выразил лишь *изумление*, каким образом Акимов, «причленивший себя к социал-демократам», мог писать, что наша группа возникла в *середине* 80-х г.г.

Правда, он *прямо* этого не заявил, — на это явное извращение у него не хватило решимости, — но, будучи «тонким дипломатом», он прибег к увертливому обороту: перечислив длинный ряд городов, в которых, будто бы, в *середине* 80-х годов уже имелись социал-демократические группы, он вслед за этим написал: «*кроме того*, в Швейцарии образовалась русская соц.-дем. группа «Осв. Тр.», ставшая теоретическим выражением этого движения» (курсив мой. Л. Д.).

Меня в этом заявлении изумило исключительно отнесение времени появления нашей группы к *середине* 80-х г.г., когда, в действительности, она возникла в начале этого десятилетия, — иначе ни я, ни Пле-

ханов не могли его понять по конструкции его фразы: слова — «кроме того» и «ставшая выразителем» можно употребить только по отношению «уже» возникшего движения, а мы с Плехановым хорошо знали, что *этого не было*, когда сформировалась наша группа. Таким образом «неправ» не я, а Н. Сергиевский, преподпосыляющий мне совершенно незаслуженный мною, неосновательный упрек, хотя, вероятно, вытекающий из похвального намерения заступиться за дорогого ему «историка».

Но все должно иметь границы: упрекнув меня за употребленное мною, — по всем правилам логики, синтаксиса и пр., — маленькое словечко «уже», этот защитник Махновца обошел полным молчаньем явный выпад последнего против группы «Освоб. Труда».

Вслед за приведенной выше цитатой, этот «историк» написал: «так как она одна [группа наша. Л. Д.] могла говорить среди наступившей в самой России тишины, после поражения «Нар. Воли», то многие, и в том числе она сама, считали ее родоначальницей всего социал-демократического движения в России» («Мин. Годы», II, стр. 128—168).

Нетрудно, полагаю, догадаться, что столь близкий сердцу Н. Сергиевского «историк», пустив здесь искусно отравленную стрелу, сводил свои счета с членами группы «Осв. Труда». Ввиду строгого требования Н. Сергиевского соблюдать историческую перспективу, можно было ожидать, что он, обнаруживший столько внимания к словечку «уже», хоть как-нибудь отзовется на только что приведенное ехидное замечание «историка» по поводу самообмана членов группы «Осв. Тр.». Он этого не сделал, потому что, как видим, у него одна мерка для дорогого его сердцу «историка», а другая — для нас, явно нелюбимых им; при всяком поводе и без такового он спешит на защиту достойного «историка» и, наоборот, по пустякам нападает на нас.

«Акимов, — пишет он на той же странице, — вовсе не оспаривает того, кто первый сказал «а». О первоуродстве он не спорит».

Итак, по мнению Н. Сергиевского, вопрос о времени возникновения в России марксизма такой же пустяковый, как известный спор Бобчинского с Добчинским: это, очевидно, тоже одно из его «открытий». Затем следует такое его раз'яснение:

«История, к сожалению, не записала, кто первый облек в словесную форму эту идеологию, ибо не только тогда, но даже теперь не имеется такого аппарата, который уловлял бы и фиксировал любое словесное изложение новых идей».

Эти немногие строки ясно показывают, что они написаны глубоким мыслителем, прокладывающим новые пути. Уже в течение полустолетия я знаю не только по именам, но и лично почти всех наших первых марксистов, излагавших «новые» идеи.

Мне, поэтому, до сих пор казалось, что я знаю генезис марксизма в России. Но только что приведенное раз'яснение Н. Сергиевского убеждает меня в противном, так как «еще не изобрели такой аппарат, который фиксировал бы» и т. д.

Прочитав эти глубокие и совершенно для меня новые мысли, я уже было собрался признать свое круглое невежество, но дальнейшие его фразы изменили мой взгляд.

«А известно, — прочел я затем, — что не всякая новая идея поступает на типографский станок обязательно от автора идеи. И то обстоятельство, что Акимов во многом оказался действительно неправым, не является основанием отрицать все им сказанное без всяких доказательств».

Вникнув в эти две фразы, я нашел, что по заключающемуся в них смыслу и по связи их между собою, — не в обиду будет сказано нашему «новатору», — они очень напоминают известное двустишие: «в огороде бузина, а в Киеве дядька». Иначе говоря: приведенное выше рассуждение Н. Сергиевского нескладно и по существу неверно, так как вообще, в течение вот уже нескольких веков можно проследить возникновение и дальнейшее развитие всякой сколько-нибудь крупной «новой идеологии», в особенности марксистской у нас. Поэтому, все рассуждение Н. Сергиевского об «аппарате» для «улавливания и фиксирования новых идей» является опять лишь подтверждением присущего ему таланта делать крупные открытия в различных областях, к тому же имея такую опору, какой для него служит «историк» Акимов. Ниже мы увидим, что Н. Сергиевский совершает «открытие» чуть не на каждом шагу.

Заметим далее, что фраза об Акимове, не находящаяся ни в какой логической связи с предшествующим ей рассуждением об «аппарате для фиксирования», — сама по себе достопримечательна, так как в ней впервые автор утверждает, что «Акимов во многом оказался действительно неправым». Очень приятно слышать это признание; жаль только, что столь строгий к другим Н. Сергиевский не подкрепил этого заявления никакими «доказательствами», даже не упомянул, в чем именно излюбленный его «историк» оказался неправым.

Затем, хотя, как мы видели, вопрос о времени возникновения в России социал-демократии, по мнению нашего ученого автора, имеет не больше значения, чем спор о том, кто первый сказал «а», однако, в дальнейшем он, очевидно, забыл это и на огромном числе страниц все же силится доказать заимствованный им у своего «историка» тезис, что не группа «Осв. Тр.» сказала первая «а», и лишь благодаря ее пребыванию в недосыгаемой для русского правительства Швейцарии она могла свободно писать, почему и вообразила, что является родоначальницей нашего социал-демократического движения. Она, правда, имела влияние, но самое ничтожное, она применяла теорию Маркса к русским условиям, но делала это довольно плохо. Ниже мы приведем подлинные выражения автора диссертации на данный ему «историком» Акимовым тезис.

Н. Сергиевский ставит мне в вину, что я «не привел доказательств, что в перечисленных Акимовым городах действительно не было социал-демократических кружков». Не посвященный в подробности читатель может естественно сделать из этого вывод, будто я самостоятельно писал что-то на эту тему и не пожелал или не мог подкрепить своего заявления «доказательствами».

Наш ученый исследователь вообще не любит указывать, откуда он берет свои ссылки, но на этот раз он в выноске указывает, откуда позаимствовал это, но делает это так, что не посвященный читатель не поймет, в чем мое прегрешение.

В «Пролет. Рев.» (1923 г., № 3) я поместил *продиктованные* мне в 1908 г. Плехановым его заметки под данным им заглавием: «О былом и небылицах», в которых он отвечал на заданные мною ему вопросы по поводу воспоминаний нескольких лиц, писавших о встречах с ним. Коснувшись В. Махновца, также поделившегося в печати своими воспоминаниями, я, между прочим, выразил Плеханову свое недоумение: «Как социал-демократ, — сказал я, — он [Махновец] не мог не знать, что в действительности группа [«Осв. Тр.»] возникла в 1883 г. [а не в середине 80-х, как вытекало из его слов], и что тогда на родине не было еще ни *единого* кружка» (стр. 43 — 44).

Мог ли я при этом *«доказывать»* Плеханову, что вот, мол, такие-то и такие-то у меня основания это утверждать, тем более, что Г. В. не хуже меня знал, что при возникновении нашей группы в России еще не было ни *единого* истинно марксистского или, что то же — социал-демократического кружка. По мнению Н. Сергиевского, я, повидимому, все же был обязан сделать это, а, по-моему, это было бы там совершенно неуместно; но мне тогда не пришло на ум, что, много лет спустя, я подвергнусь за это строгому осуждению со стороны Н. Сергиевского, о существовании которого, признаюсь, я не знал. Забегая вперед, замечу здесь, что хотя он сам посвятил много листов защите выдуманного «историком» Акимовым «тезиса», тем не менее, как ниже увидим, он также не подкрепил утверждений последнего. Это обстоятельство может, между прочим, служить иллюстрацией справедливости Н. Сергиевского, требующего от другого, без всяких к тому оснований, того, чего, обязанный сам по положению, он не исполняет. В общезнании такой прием называется применением «двойной бухгалтерии».

Таким образом, в качестве исследователя Н. Сергиевский проявляет много крупных и оригинальных черт: он, как мы видим, прилагает совершенно новые логические приемы и правила. Этим, однако, не исчерпываются присущие этому новатору дарования — он также отличается способностью вычитывать то, чего нет в данном произведении и, наоборот, не замечать написанного в том или другом из них.

«И голословно отвергнув утверждение его [т.-е. Акимова. Л. Д.] — заявляет наш объективный исследователь, — в качестве *ultima ratio* ссылается [очевидно, это, будто бы сделал я. Л. Д.] лишь на крылатое словечко Плеханова о «свидетельстве не очевидца».

Смысл этой запутанной фразы таков: я, будто бы, совершил новый проступок, — не доказав, что утверждения Акимова неправильны, я к тому же удовольствовался только ссылкой на «крылатое словечко» Плеханова. В действительности же я ни на что не сослался, а лишь в точности *воспроизвел* ответ Г. В. на вышеуказанный мой вопрос по поводу «утверждения» Акимова о возникновении нашей группы в середине 80-х г.г.. Вот ответ Плеханова:

«Оставьте в покое этого человека, вспоминающего о тех моих поступках, очевидцем которых, по собственному его признанию, он не был. Так «вспоминают» только люди, в просторечии иногда из вежливости именуемые «беллетристами». Но вы ведь не собираетесь взять на себя роль художественного критика? Стало быть, не о чем толковать».

Мог ли я, воспроизводя продиктованный ответ в посмертных записках Плеханова, вставить в него еще и от себя какие-либо доводы в доказательство, что Акимов неправильно повествовал о будто бы существовавших многочисленных социал-демократических группах? С какой стороны ни подойдем к упреку, сделанному мне почтенным исследователем, он окажется совершенно мною не заслуженным, к тому же основанным на неполном, а то и вполне неверном, осведомлении им читателя, как обстояло дело. В дальнейшем мы увидим, что наш объективный исследователь поступает и рассуждает аналогичным же образом на огромном числе страниц своего обширного трактата. Вот следующая за преподнесенным мне упреком фраза:

«Слов нет, — пишет Н. Сергиевский, — словечко хорошее, ядовитое, но не всякий, произносящий его, прав».

Лица, не читавшие указанных посмертных заметок Плеханова, помещенных в «Пролет. Революции», совершенно не в состоянии понять, кого и за что в данном случае упрекает наш строгий исследователь. Между тем, оказывается, он здесь пускает стрелу в Плеханова, а под «словечком» имеет в виду употребленный, как мы видели, им по отношению «историка» Махновца эпитет «беллетриста», чего наш щепетильно относящийся к умершему Акимову беспристрастный Н. Сергиевский не желает даже повторить. Но почему Плеханов, произнесший это «хорошее, ядовитое словечко», все же неправ? — эта ничем не подкрепленная нашим исследователем сентенция так и остается неразъясненной, загадочной даже для лиц, прочитавших заметки Г. В.

Между тем, я уверен, что все беспристрастные и осведомленные лица относительно поведения «историка» Махновца во время его пребывания в эмиграции едва ли признают данный ему Плехановым эпитет неуместным или чересчур резким. Мне кажется поэтому нелишним сказать здесь несколько слов об упомянутом поведении Махновца, что может объяснить сквозящую в его отзыве о группе «Осв. Тр.» враждебность, заимствованную у него, в качестве тезиса для своего трактата, Н. Сергиевским, хотя, как мы знаем, он в то же время считает эту тему лишь спором о том, кто первый сказал «а».

Почти с самого своего появления в Швейцарии в 90-х г.г. В. Акимов-Махновец стал вести агитацию против членов группы «Осв. Тр.»: он для этого подхватывал всякий нелепый слух, неблагоприятную сплетню и, раз'езжая по русским колониям, распространял о них всевозможные побасенки; этим он вообще подрывал престиж социал-демократов, у которых среди эмигрантов народнического и народо-вольческого направления и без того было много врагов, радовавшихся ссорам и дразням, поднятым в марксистском лагере. Старые заслуженные члены группы «Осв. Тр.», выбивавшиеся из сил в борьбе

с окружавшими их невыносимо тяжкими условиями, терпевшие большие лишения, нужду, а также физические страдания — все они: Плеханов, Засулич и Аксельрод, известно, были болезненны, — не могли не возмущаться поведением Акимова, своими росказнями о них лившего воду на мельницы врагов. Узкий фанатик «экономизма», он не понимал более широких марксистских взглядов «стариков», почему, быть может, искренно считал их деятельность вредной и старался подвести под них мины, чтобы заместить их другими более «крупными величинами», какими в его глазах являлись молодые — Кричевский, Иваншин, Ольхин, Мартынов и др. Свое враждебное отношение к членам группы «Осв. Тр.» Акимов, как известно, распространил затем также и на соединившихся с ними тоже молодых, выдающихся искровцев — на Ленина, Мартова, Потресова.

В результате столь плодотворной деятельности Акимова и К^о, вытекавшей из недостаточного понимания их политических задач и стремлений в том периоде, возникли, как известно, свары, раздоры, дрязги, приведшие к расколу среди марксистов, на радость эсерам. Наряду с узостью взглядов, немалую роль во всех этих печальных происшествиях сыграли задетые самолюбия, мелочное тщеславие и т. п. добродетели. Далеко не блестящая роль Акимова внутри нашей партии хорошо известна многим здравствующим современникам.

Теперь, по прошествии значительного количества лет, осматриваясь назад и принимая во внимание все прошлое, можно отнести к поведению Акимова и его товарищей вполне объективно, — можно понять и простить его промахи. Но *возвеличивать* его, возводить его в «историки», из всех сил, путем всевозможных натяжек, умалчивать одних обстоятельств, неверных передач других, стараться представить Акимова беспристрастным свидетелем минувшего, — для этого нужно обладать особенными свойствами, неуместными для исследователя.

В высшей степени странно, поэтому, отношение Н. Сергиевского к Акимову. Взявшись писать о группе «Осв. Труда» и «марксистских кружках», он, казалось бы, должен быть хорошо осведомлен относительно этой темы. Между тем, он, как увидим, на каждом шагу обнаруживает полное незнание этого, почему дает такое изображение прошлого, каким представляются предметы в кривом зеркале.

Даже когда дорогой его сердцу «историк» явно попадает впросак, наш исследователь все же старается его обелить, вытянуть сухим из воды.

«Да, Акимов неправ, но лишь отчасти. Минские вожди не были социал-демократами, но работа их, как ее описывает Гурвич, по существу не отличалась от работы позднейших марксистов и являлась фактически уже социал-демократической» (стр. 89).

Если бы это рассуждение было правильно, то не только народовольцев и чернопередельцев, бунтарей и лавристов, но также ишутинцев и почти всех революционеров начала 60-х г.г. надо было бы причислить к социал-демократам, потому что «по существу работа их не отличалась фактически от социал-демократической», которой, напомним, тогда еще не существовало нигде на Западе. До того

наш ученый исследователь зарпортовывается, побуждаемый, как видим, похвальным стремлением черненко «историка» представить почти совсем беденьким, а в результате этого он открывает неведомый до того «новый взгляд» на прошлое нашего революционного движения.

Далее Н. Сергиевский заявляет: «значительно объективнее к этому вопросу относится другой основоположник группы — Г. В. Плеханов», после чего он приводит следующую выдержку из примечаний Г. В. к «Л. Фейербаху»:

«Маркс открыл внутренние причины исторического движения человечества; оставалось только взглянуть с его точки зрения на русские общественные отношения. Это и сделали социал-демократы, часто *совершенно независимо* один от другого приходившие к одним и тем же взглядам на русскую жизнь».

Выходит, что я будто бы писал противоположное этому: наш автор, по какому-то совершенно «новому» правилу, не указывает, *где* именно я *менее* «объективно» отнесся к вышеуказанному спорному вопросу. Для пояснения лицам непосвященным скажу, что Н. Сергиевский, очевидно, имеет в виду все те же заметки Плеханова «О былом и пемылицах», в которых я, как уже выше сообщил, в заданном мною *вопросе* имел неосторожность упомянуть о неправильном утверждении Акимова, будто группа «Освобождение Труда» возникла только в середине 80-х г.г. Как видно из ответа Г. В., он не только выразил согласие со мною, но, сверх того, еще заклеил Акимова за неверное его утверждение даже по определению его защитника «хорошим, ядовитым словечком». Но по этому же поводу наш автор счел пужным, как мы видели, декретировать совсем непопятную сентенцию, что «не всякий, произносящий это словечко («беллетрист»), прав». Казалось бы, Плеханов по этому вопросу был признан Н. Сергиевским, по крайней мере, столь же мало или недостаточно «объективным» как и я, но вот, всего через 15 строк того же Плеханова наш исследователь объявляет уже «значительно объективнее»! Кто же впал в противоречие, я и Г. В. или ученый исследователь?

Но мы, конечно, а Н. Сергиевский: противоречие, в которое он попал, объясняется недостаточно серьезным, вдумчивым и, в особенности, крайне пристрастным его отношением к литературным источникам, вследствие чего он схватывает многое такое, чего нет в данном произведении, а этот способ его чтения, в свою очередь, повторяю, обуславливается заранее поставленной им себе целью — доказать, кто, по его остроумному определению, первый сказал «а», несмотря на то, что, как мы знаем, всего за несколько строк раньше он же иронизировал на счет спора «по поводу первородства».

Здесь, между прочим, замечу, что этот ученый исследователь вполне неосновательно ухватился за заявление Плеханова, что социал-демократы «*совершенно независимо*»¹⁾ один от другого приходили к одним и тем же взглядам на русскую жизнь, так как я под ним целиком подписываюсь и нигде в своих воспоминаниях не писал ничего про-

1) Для большего уязвления меня он даже подчеркнул эти слова.

тивного этому. Во избежание недоразумения напомним, что в некоторых своих давно напечатанных очерках, например, «Один из первых наших марксистов» (в «Вест. Европы» за 1910 г.) или о Дм. Ал. Клеменце («Гол. Мин.» 1913 г.) и др., я сообщил о «независимом друг от друга появлении» таких лиц еще в начале 70-х годов. Так почему же наш беспристрастный исследователь стремится опровергнуть меня будто бы опровергающими меня словами Плеханова? Только потому, что, задавшись целью доказать правильность выдумки любимого «историка», он ищет повсюду доказательства. Приняв эту выдумку — «беллетристику» тоже за тезис своей «диссертации», наш ученый исследователь находит подтверждения ее там, где их вовсе нет. Поэтому заявление Плеханова, что независимо друг от друга появлялись отдельные лица, у него превращается в *кружки*. Кроме того, в цитированном Н. Сергиевским примечании Плеханов ни единого слова не сказал о том, что лица, приходившие к одинаковым взглядам на русскую жизнь, создавали в России социал-демократические кружки в то именно время, когда появилась группа «Освоб. Тр.». Только такое его заявление можно было бы противопоставить моему в вопросительной форме утверждению, но тогда Плеханов впал бы в противоречие с самим собою, и данный им Акимову эпитет «беллетриста» являлся бы лишним основанием. Между тем, ученый исследователь выдвигает Плеханова, как «значительно более объективно относящегося», чем я, а, следовательно, и он же сам Плеханов! Вот до чего можно договориться или дописаться, поставив себе задачей доказать правильность утверждения беллетристического историка, утверждающего, что десятки марксистских кружков появились одновременно с группой «Осв. Тр.» в «середине 80-х г.г. и сказали тогда же, а то даже раньше ее — «а»!

Относительно Минска наш беспристрастный исследователь признает, что «Акимов не совсем прав», причисляя его к городам, в коих был будто бы социал-демократический кружок. Нельзя понять, каким образом в вопросе о том, был или не был там-то такой кружок, можно оказаться *«не совсем правым»*, так как в подобных случаях возможно одно из двух: кружок или существовал, или в ту пору его там не было. Но мы уже знаем, что у этого ученого на все решительно своя особенная «статья».

Переходя затем к Петербургу, Н. Сергиевский ограничивается таким доводом: «да и нужно ли это доказывать, раз нам известно из свидетельства Благоева, что к социал-демократизму он и его товарищи пришли еще в 1883 г., т.-е. одновременно с группой «Освоб. Тр.» (90 стр.).

На первой странице этого трактата наш исследователь, как мы видели, заявил, что группа Благоева «имела уклон к лассальянству», на 98-й мы читаем: «группа в Питере, известная под именем: «группа Благоева», а сама себя называвшая «партия русских социал-демократов», — никак не может быть названа марксистской» (разрядка моя). Л. Д.)

Затем наш ученый указывает, что программу этой группы разработали чернопередельцы П. А. Латышев и В. Е. Благославов (стр. 102), что характер программы был «немарксистский» (стр. 103), что она одновременно обратилась с переговорами о сближении к партии «Нар. Воли» и к группе «Осв. Труда» и т. д. Можно ли после всего этого еще сомневаться, что таким образом характеризруемая беспристрастным автором группа Благоева, одновременно являвшаяся марксистской и немарксистской, социал-демократической с уклоном к лассальянству, к лавризму и народовольчеству, все же была такой же, как группа «Осв. Тр.»?

Ввиду этих противоречивых сообщений, которых решительно не замечает этот исследователь, у него понятно должно было возникнуть недоумение: «как можно утверждать, что социал-демократических кружков на родине не было ни единого?» (стр. 90) — восклицает он, обращаясь ко мне.

Читатель, конечно, помнит, что это утверждение сделали мы с Плехановым в опубликованных мною его посмертных заметках. Это наше отрицание особенно изумляет Н. Сергиевского в виду того, что Плеханов в возникшей (в 1884 г.) газете группы Благоева поместил статью. Но участие в подпольной газете, предназначавшейся для рабочих, еще не означает признания ни этого органа, ни группы, его издававшей за марксистские, социал-демократические. Путем помещения статей в этом органе мои товарищи надеялись способствовать превращению группы Благоева из социал-демократическо-лассальянско-лавристско-народовольческой в действительно марксистскую. Этого, очевидно, не понимает Н. Сергиевский, несмотря на всю свою ученость, заставляющую его путаться в бесконечных противоречиях, и всему причиной его влюбленность в «историка» Махновца.

Но, «доказав» друг друга исключаящими сообщениями, что группа Благоева была одновременно социал-демократической и не социал-демократической, наш глубокий исследователь не довольствуется одним этим замечательным доводом для опровержения меня; он сверх того приводит еще «доказательства», что в Москве также существовала марксистская группа; следовательно, я и Плеханов сугубо будто бы были неправы. Так как эти доказательства нашего ученого особенно убедительны, то рассмотрим их возможно подробнее.

«Но и кроме крупной организации группы Благоева, просуществовавшей, несмотря на ряд разгромов, с 1883 по 1888 г., была другая группа, может быть, менее долговечная, но не менее эффектная. Эта группа была в Москве — повествует наш исследователь. — С весны 1884 г. [она] была разгромлена и уничтожена властями... «Стало быть, и вторая указанная Акимовым социал-демократическая группа существовала... Она была с корнем вырвана в течение 1884 г. и в числе нескольких десятков человек разослана по тундрам Сибири... «Московская группа выступила ранее «благоевской» и... даже ранее группы «Освобождение Труда» приступила к популяризации марксистской лите-

ратуры»... «Повидимому, она была довольно солидна. За это говорят следующие факты. Группа энергично издавала марксистскую литературу, следовательно, она имела обширный круг читателей. Ее литература имела широкое распространение по России. Следовательно, она имела большую агентуру распространителей этой литературы. Группа установила непосредственную связь с границей, как видно из предисловия издателей, для провоза заграничной литературы группы «Осв. Тр.». Следовательно, это была солидная и сильная организация, обладавшая большими связями» (стр. 90—92).

Ради экономии места я не привожу всех остальных доводов нашего ученого исследователя в подтверждение того, что в Москве существовала «не менее эффективная», чем в Петербурге, «обширная», «солидная», «сильная», «широко распространявшая свою литературу» организация, «имевшая для этого большую агентуру», «большие связи» и т. д. Но я живо представляю себе изумление, а то и возмущение нашего глубокого и беспристрастного ученого, когда он прочитает следующее мое заявление: все приведенные им доводы в доказательство защищаемого им тезиса не более как *мыльный пузырь*, так как *никакой социал-демократической группы в Москве не было* и, следовательно, никакой марксистской литературы, к тому же будто бы раньше группы «Осв. Тр.», там не издавал социал-демократический кружок.

Все доводы в защиту вышеуказанного тезиса наш глубокомысленный исследователь, по его же признанию, почерпнул из двух документов, к которым я имел очень близкое отношение: мне известно их происхождение, их смысл и значение, а потому утверждаю, что своими толкованиями, выводами из них и пр. наш ученый, как сейчас увидим, попал в самое комическое положение, аналогичное которому по юмору я затрудняюсь указать во всей нашей литературе.

Первое «свидетельство, из которого», по мнению этого ученого, «можно сделать вывод о размерах группы», это «письмо, отобранное при аресте Дейча от питерских товарищей». Из этого письма наш ученый исследователь цитирует такое место: «Союз с московской группой более чем вероятен, есть масса знакомых среди студентов и студенток; некоторые из них и теперь занимаются с рабочими». Какой же вывод делает наш ученый из этой выдержки, неизвестных ему будто бы «питерских корреспондентов»? Вот послушайте!

«Из этого следует, что в Москве был «не кружок, а целая группа», в которой только у питерцев «масса знакомых студентов». Засим из этого следует, что «у членов этой группы есть связи с рабочими, с которыми члены «занимаются». Поэтому естественно, что «питерский единомышленник» женевской группы придает серьезное значение ожидаемому союзу с московской группой. Но и, кроме этого, редакция этой части такова, что можно сделать вывод, что московская группа в момент написания письма (т.-е. не позднее марта 1884 г.) являлась организацией самостоятельной, не связанной с женевами (очевидно, письмо писано до установления непосредственной связи) и образовавшейся самопроизвольно» (стр. 92).

Прежде всего, цитированное Н. Сергиевским письмо *вовсе не было* от «питерских товарищей», а только от *делегированного* нами, членами группы «Освобождение Труда», Саула Гриффета (псевд. Финстер), о чем я подробно сообщил в нашем Сборнике ¹⁾. В приведенной Н. Сергиевским выдержке Гриффет *вовсе не говорит*, что у «питерцев» масса знакомых «среди студентов», а вообще у кого-то, — может быть у него самого или у кого-нибудь из его знакомых. Затем, из существования в Москве «массы знакомых среди студентов и студенток», можно ли сделать вывод, что там имелаась «целая группа», «даже не кружок» (к слову, почему первое название важнее последнего, остается тайной нашего ученого). Решительно непонятно, из чего он умозаключил, будто наш «питерский» единомышленник придает «серьезное значение» союзу с московской группой, когда он об этом не заикнулся; также совершенно ошибочен вывод, что московская группа «образовалась самопроизвольно». Как легко убедится читатель, сравнив приведенные в выноске страницы Сборника с сделанными нашим объективным ученым «выводами» из забранного у меня при аресте письма, последние построены на песке, совершенно произвольны, нисколько не соответствуют действительности.

Но еще куда искуснее Н. Сергиевский использовал другой документ для доказательства правоты «историка» Акимова, что в Москве действительно существовала «обширная», «эффектная» и т. д. «группа».

Что несуществовавшая в Москве «группа» была марксистской, Н. Сергиевский доказывает еще следующим образом.

«Если выпуск группой марксистской литературы и не служит неопровержимым доказательством ее марксизма, то ее выступление с письмом «к товарищам»... не оставляет никакого сомнения в том, что это действительно была группа марксистская».

Далее, по утверждению нашего исследователя, во главе этой группы «были два марксиста — Людвиг Янович и В. Т. Распопин», но ко времени выпуска «письма к товарищам» их уже в Москве не было, — «головка была уже срезана». Этим обстоятельством наш исследователь объясняет, что предпосланная издателями вводная статья к «Письму» была написана «не четко», «расплывчато», — словом, «сочувствовавшими», неспособными печатно формулировать и защитить свое мирозерцание» (стр. 92 — 93).

Обращаясь затем к содержанию этого «Письма к товарищам», Н. Сергиевский отмечает «критическое и даже скептическое отношение автора, — в отличие от группы «Освоб. Труда», — к роли «социалистической интеллигенции», а из отрицания последней делает такой вывод:

«Стало быть, еще тогда (письмо было написано в декабре 1883 г.) «социалистическая интеллигенция», как самостоятельная сила, некоторыми кружками, примыкающими к марксизму, уже отрицалась, т.-е.

¹⁾ «Группа Освоб. Тр.», № 1, стр. 41, 43, 196, 198 и др.

критика этого понятия началась раньше, чем за границей». Далее он заключает: «Следовательно, автор является сторонником организации партии, одухотворенной учением научного социализма, т.-е. партии социал-демократической» (стр. 94). Это, однако, не мешает ему на следующей странице в примечании заявить, что письмо «напоминает собою лавризм»... «представляет собою изложение идеологии того, что Плеханов называл «упадочным лавризмом» (стр. 95). Прошу читателя заметить все эти заявления Н. Сергиевского, — ниже он увидит, какой из этого получается уморительный курьез.

Несмотря на столь, казалось бы, вопиющие противоречия, заключающиеся в «Письме к товарищам», все же оно, по словам нашего исследователя, «является любопытным памятником для изучения истории революционных идей вообще и русского марксизма, в частности».

Признавая авторитет Н. Сергиевского по всем вопросам социализма, я не осмеливаюсь с ним спорить по поводу его оценки этого «любопытного памятника», который он считает «первым значительным документом московского кружка» (стр. 95).

«Нам неизвестно, кто является автором этого письма, — сообщает далее наш исследователь, — но из обстоятельств дела видно, что он находится поблизости от кружка, хотя и не может непосредственно наблюдать революционные сферы, одним словом, оторван от строя. С одной стороны — близок, с другой стороны — оторван. Да не в тюрьме ли он? Как раз в период написания письма в московской тюрьме сидел Распопин. Не является ли Распопин автором этого письма?».

Итак, мы видим, что главнейшим доказательством нашего исследователя того, что в Москве существовала соц.-дем. группа, является это «Письмо к товарищам», автором которого был, по его мнению, *член этой группы*, — может быть, глава ее, Распопин. Следовательно, если бы оказалось, что это письмо было написано посторонним человеком, то все построение нашего автора рушилось бы подобно карточному домику. Так вот: еще до выхода этого «ученого труда» нашего исследователя, мною было помещено в номере 2-м сборника группы «Освобождение Труда» «Письмо к товарищам», и там же заявлено, что автором его был не кто иной, как П. Б. Аксельрод, что мне доподлинно известно, так как я его читал в рукописи и переправил в Москву. Что П. Б. автор этого письма, не трудно убедиться, не только спросив его, но также сличив содержание письма с другими, несомненными его произведениями, хотя бы с цитируемым самим же Н. Сергиевским «Ответом» П. Б. Аксельрода, напечатанным в «Знамени» (New-York 1/VI, 1889, № 15)¹⁾. Я не говорю уже о статье П. Б. Аксельрода «Переходный момент», помещенной в «Общине», №№ 8 — 9 (1878 г.). Повидимому, вместо головоломной для Н. Сергиевского работы, сопряженной с сличением двух текстов, он предпочитает заниматься постройками карточных домиков.

Теперь, когда несомненно, что автором «Письма» был член редакции группы «Осв. Труда», получается прекурьезное положение, в котором

¹⁾ «Ист.-Рев. Сб.», II, стр. 115, 116.

очутился наш исследователь: оказывается, что его утверждение, будто «автор «Письма», в отличие от группы «Освоб. Труда», слишком критически и даже скептически относился к роли «социалистической интеллигенции» (стр. 94), совершенно неосновательно: П. Б. Аксельрод, являвшийся соредактором группы «Осв. Труда», не мог, конечно, одновременно придерживаться двух противоположных взглядов на вопрос о роли «социалистической интеллигенции», — в этом, как и в других вопросах, он был вполне солидарен с нами, остальными членами нашей группы. Между тем, как мы видели, из непонятого места его письма Н. Сергиевским, по обыкновению, сделаны «новые открытия», а именно, что «тогда «социалистическая интеллигенция»... некоторыми кружками, примыкающими к марксизму, уже отрицалась, т.-е. критика этого понятия началась раньше, чем за границей»¹⁾. Ну, разве не богатое у нашего исследователя воображение: плохо понятые им слова одного эмигранта оказываются уже взглядами «некоторых кружков» в Москве, если не в России...

Наш ученый исследователь в данном случае запутался еще почище, чем, как мы видели выше, в вопросе о «значительно более объективном отношении Плеханова». Мало того: «Письмо к товарищам» П. Б. Аксельрода нашему ученому исследователю напоминает собою лавризм, к тому же — «упадочный» (стр. 95). Таким образом, Павел Борисович одновременно являлся марксистом и «упадочным лавристом»! Новое доказательство, до чего можно дописаться, задавшись целью «научно обосновать «тезис» «историка» Махновца!

Далее, в «Приложении» наш равно ко всем справедливый исследователь упрекает группу «Освобождение Труда» в том, что она «замолчала» появление «Письма к товарищам», т.-е. письма своего же сочлена Аксельрода. Ну, разве не уморительный курьез! Да, мы считали излишним упоминать в печати об отправленных нами «с okazиями» письма наших «к товарищам», — неужели можно нас за это упрекать?

Кроме приведенных Н. Сергиевским в тексте предположений о том, кто мог быть автором «Письма к товарищам», в «Приложении» находится еще немало других его на этот счет глубокомысленных соображений; ради курьеза приведу здесь некоторые.

«Автор брошюры²⁾, — заявляет он там, — несомненно не молодой социалист... Находится ли он за границей? Повидимому, нет; он здесь в России, близок к московск. революц. кругам... Возможно, что он в ссылке, но не далекой и т. д. (Затем следуют подробные доводы в подтверждение последнего.)

Не напоминают ли эти соображения глубокомысленные крыловского «механика», взявшегося открыть ларец?

Покончив с вопросом об авторе «Письма к товарищам», наш исследователь с тем же усердием разрешает вопрос, кто был издателем этой брошюры [т.-е. «Письма к товарищам»], после чего он устанавливает

¹⁾ Разрядка моя. Л. Д.

²⁾ «Письмо к товарищам» П. Б. Аксельрода в виде литографированной брошюры появилось в Москве в январе 1884 года.

влияет место издания (литография Янковского), время (январь 1884 г.) и самого издателя (союз). «Что же это за организация, которая печатает такую брошюру, которая печатает Энгельса даже ранее группы «Освобождение Труда»? — задается вопросами наш исследователь и, после глубокомысленных соображений, он, однако, приходит к неопределенному, неясному выводу: то «брошюры эти печатались в литографии по заказу «Московского общестуденческого союза», организованного в декабре 1883 г. из целого ряда студенческих кружков и объединений различных высших учебных заведений», то — «Обществом переводчиков и издателей, занявшимся систематическим изданием через эту литографию переводной литературы (стр. 169). Но, полагаю, всякий здравомыслящий человек согласится, что и в том, и другом случае, эти организации не являлись соц.-дем., да и сам почтенный Н. Сергиевский этого не утверждает. Таким образом, получается вопиющее противоречие между его заявлением в тексте статьи, где издание марксистских брошюр «исследователь» приписывает «Московской соц.-дем. группе» и «Приложением», в котором, как видим, издателем объявляется то объединение студенческих кружков, то общество переводчиков. — вновь — обычное у нашего автора самопровержение. Но возвратимся к тексту статьи.

«Московский кружок, — сообщает он далее, — к моменту появления «извещения» группы «Освобождение Труда» выпустил целый ряд марксистских брошюр и занимался уже издательством рабочей библиотеки (стр. 97).

Выходит, следовательно, что эта в действительности не существовавшая группа все же существовала еще до появления нашей группы — «Освобождение Труда». Получается изумительнейшая несообразность, происшедшая вследствие богатого воображения, присущего Н. Сергиевскому.

«Однако, — быть может, заметит читатель, — ведь вот же он приводит список изданных в Москве в те годы марксистских брошюр, кроме того, он называет Рапопина и Яновича, в качестве «головки» московской группы, «марксистами»?

Начну с последнего. Яновича я лично знал и подробно сообщил о нем в № 1-м Сборника группы «Освобождение Труда»¹⁾. Отсылая туда читателя, я сообщу здесь лишь следующее.

Сношения с ним я завязал через студента моск. университета Светлицкого, приехавшего в Швейцарию летом 1883 г. и причислявшего себя к народникам. Когда он в конце лета решил возвратиться, я и Плеханов, по принятому нами тогда правилу относительно лиц, возвращавшихся на родину, вручили ему большие письма «к товарищам», в которых каждый из нас, конечно, по своему, излагал причины нашего разрыва с народовольцами, а также наши марксистские взгляды и задачи. Сверх того я снабдил его небольшим количеством наших изданий и условился с ним о дальнейшей переписке и сношениях. Мы с Плехановым как в наших письмах к товарищам, так и устно через него и других уезжавших просили москвичей, а также вообще участвующих

¹⁾ Сборн. № 1-й. Стр. 23 — 24 и 194.

молодежь и других городов, если они сочувствуют нашему решению заниматься печатной и устной пропагандой марксизма, вступать с нами в тесную связь и присылать к нам кого-нибудь для переговоров.

В начале января 1884 г. ко мне на квартиру в Женеве пришел молодой человек, заявивший, что он приехал из Москвы и сообщивший условленный мною с Светлицким пароль: это был Людвиг Янович.

Как я, спустя несколько дней, сообщил о нем в Цюрих П. Б. Аксельроду (в письме от 12/1 1884 г.), Янович причислял себя к народникам, но «с большой склонностью к народолюбчеству, т. е. — к терроризму», по тогдашней же моей характеристике его ¹⁾. Он не только не был тогда «марксистом», как ошибочно сообщает наш правдивый исследователь, но чистосердечно признался нам, что даже несколько предубежден против соц.-дем., хотя и незнаком с их задачами и стремлениями, а потому решил заняться изучением как теории, так и практики западно-европейского вообще, а германского — в частности, рабочего движения. Своей прямоотой, искренностью и правдивостью этот молодой человек очень понравился всем нам, женецам, о чем, повторяю, я тотчас же сообщил П. Б. Аксельроду в Цюрих. Мы все очень с ним сблизились, в значительной степени склонили его на нашу сторону; однако, войти в нашу группу он не мог как потому, что был мало подготовлен теоретически, так и потому, что, будучи литовцем (а не «поляком», как неправильно сообщает Н. Сергиевский), Янович тогда желал посвятить себя главным образом пропаганде социализма среди своих единоземников. Для этого он решил заняться переводами на родной язык некоторых социалистических брошюр, в том числе «Социализм и политическая борьба» Г. Плеханова, «Развитие научного социализма» Энгельса и др. Все же, спустя некоторое время, благодаря личному нашему влиянию, он обещал пожертвовать некоторую сумму и на нашу марксистскую литературу, что уже после моего ареста он действительно исполнил.

Что касается вопроса о происхождении появившихся в Москве в литографированном виде как изданий группы «Освоб. Труд», так и заграничной же «Социально-революционной библиотеки» — «Сущность социализма» Шефле, «Наемный труд и капитал» Маркса ²⁾, «Маниф. Ком. Партии» и др., то, помню, я же ими снабдил упомянутого выше студента Светлицкого. При этом «Развитие научного социализма» я дал ему еще в рукописи; этим следует объяснить, что в Москве эта брошюра появилась, если это верно, в литографированном виде чуть ли не раньше, чем в Женеве, а не тем, понятно, что не существовавшая «московская соц.-дем. группа», как ошибочно заявляет Н. Сергиевский, раньше нас «приступила к изданию популярной литературы для рабочих». Если мне память не изменяет, я же посоветовал ему переиздать книжку Ланге «Рабочий вопрос», вышедшую сперва легально в России, а затем изъятую из обращения.

¹⁾ Цит. Сборн., стр. 194.

²⁾ Перевод и предисловие мои, о чем, к слову, объективный наш исследователь почему-то упорно избегает упомянуть.

Чтобы переиздать все эти брошюры в литографированном виде при существовании в Москве литографии, принимавшей от студентов с этой же целью разные их курсовые лекции, не требовалось никакого соц.-дем. общества», «союза» или даже «группы», а достаточно была личность одного-двух «сочувствовавших» нам молодых людей, какими были Светлицкий и другие уезжавшие из Швейцарии русские учащиеся, которых, повторяю, я же снабжал необходимыми количествами экземпляров наших и других изданий, заделанными разными способами для провоза через границу, о чем подробнее я уже сообщил в своем очерке «Первые шаги группы «Освобождения Труда». Вот эти-то «сочувствовавшие», вероятно, и издали в литографированном виде также и письмо Аксельрода к товарищам.

Таким образом, *все построение* нашего исследователя об «эффектной», обширной, «мощной», и т. п. «соц.-дем. организации», будто бы возникшей независимо от нашей группы, основано, с одной стороны, на *полном его незнакомстве* с этой эпохой, которой он посвятил свое обширное исследование, а с другой, повторяю, на заранее поставленной им себе задаче подтвердить, будто бы, несомненным материалом, голословные утверждения «историка» Махновца, почему ему и приходится прибегать к разным натяжкам, вымыслам и пр.

Далее совершенно неверным является сообщение Н. Сергиевского, что «московская соц.-дем. организация» была «с корнем вырвана в течение 1884 г. и разослана по тундрам Сибири» (90 стр.).

С осени того года я, как известно, содержался при чрезвычайно свободном режиме в Московской Пересыльной тюрьме, где одновременно с нами, ссылаемыми в Сибирь, помещалось также много местной молодежи, с которой я встречался, а также и с большим числом лиц, пришедших с воли на свидания. Со многими из заключенных там студентов мы затем, с наступлением навигации, отправились вместе в Сибирь ¹⁾: мы знали всякие подробности о всех предшествовавших нам партиях, но решительно *никто* не упоминал хотя бы о едином соц.-дем., отправленном в те времена «в сибирские тундры за марксистскую пропаганду 1884 г.».

Это *сплошная выдумка* со стороны Н. Сергиевского, который в качестве заведующего «ленинградским историко-революционным архивом» имел, казалось бы, полную возможность ссылками на находящиеся у него под руками официальные документы подтвердить правильность своих утверждений, чего, однако, он не сделал: он не привел *ни единого* документа из бывшего архива департамента госуд. полиции об аресте, высылке в Сибирь и полной гибели в «тундрах» всех «многочисленных», по его голословному утверждению, членов, будто бы существовавшей в Москве в 1883 — 1884 г.г. «солидной», «мощной» и т. д. соц.-дем. организации. Если верить сообщению этого правдивого исследователя, жандармы умудрились так расправиться с открытой им и «историком» Махновцем «могущественной» соц.-дем. организацией, что не только о ее существовании на воле в указанное этими двумя «иссле-

¹⁾ См. «16 л. в Сибири».

дователями», время, но и о ее пребывании под арестом, затем о ее путешествии в Сибирь, а также о ее жизни в «тундрах» не было известно ни единой более душе; ни одного из членов ее никому решительно не удалось не только видеть, но и услышать о нем. Более того: с этой «мощной», но никому неизвестной, «в корне», будто бы, истребленной организацией, случилось то, чего не произошло ни с какой другой хоть сколько-нибудь значительной группой, кружком, организацией. Начиная с декабристов, петрашевцев, членов общества «Земля и Воля» 60-х г.г., каракозовцев, печевцев и кончая группой «Освоб. Труда», — с течением времени кто-нибудь от этих и других отправленных в Сибирскую тайгу уцелевал, оставался в живых и затем так или иначе делился своими воспоминаниями об организации, к которой он когда-то принадлежал. Лишь с *единственной*, открытой нашим добросовестным исследователем, организацией, если ему верить, произошел небывалый в истории нашего, а также всемирного революционного движения, печальный случай: «стараниями известного в истории борьбы с революцией жанд. генерала Середы, — заявляет этот ученый, — она была с корнем вырвана в течение 1884 г. и в числе нескольких десятков человек разослана по тундрам Сибири» (стр. 90). Это *чистейшая выдумка* Н. Сергиевского, стоящего, повторяю, во главе ленинградского историко-революционного архива, а потому, полагаю, сугубо *обязанного* знакомить читателей с *действительным* нашим прошлым, а не со своими *фантазиями*.

Таким образом из перечисленного «историком» Махновцем большого количества городов, в которых, будто бы, в середине 80-х годов имелись соц.-дем. группы, Н. Сергиевский назвал лишь три: Минск, Петербург и Москву, при чем относительно первого, как мы видели, он сам согласился, что «историк» Махновец был «не совсем прав», относительно второго он признал существовавшую в нем группу Благоева, имевшую «уклон к лавризму и народовольчеству, почему Н. Сергиевский признает, что она «никак не может быть названа «марксистской». Что касается Москвы, то, как видим из вышесказанного, «обширная соц.-дем. группа» выдумана только «историком», а ее действительное существование доказано одной лишь фантазией Н. Сергиевского. Относительно всех остальных городов, перечисленных «историком» Махновцем, — «Дерпта, Риги, Вильно, Нижнего-Новгорода, Казани, Одессы, Харькова, Киева, Саратова, Уфы, Екатеринослава, Елизаветграда, Самары», наш осторожный исследователь довольствуется всего-навсего таким характерным и вместе лаконичным заявлением: «У нас нет пока доказательств, что во всем том списке городов, который указывает Акимов, действительно были к середине 80-х г.г. соц.-дем. кружки. *Возможно, что после изучения политических дел большинства судебных палат России это утверждение Акимова оправдается*» (стр. 90).

Обращаю внимание на подчеркнутые мною слова, — у каждого, сколько-нибудь знакомого с историей нашего революционного движения, читателя они должны вызвать изумление, а то и возмущение: кто же

из мало-мальски знакомых с последним не знает, что все дознания по политическим делам вели жандармские правления, которые о каждом своем действии сообщали в III Отделение, переименованное (в 1880 г.) в Департ. госуд. пол.; следовательно, раз Н. Сергиевский обнадеживает, что в судебных палатах могут оказаться документы о соц.-дем. группах в перечисленных «историком» Махновцем городах, то ясно, что сообщения о таких кружках должны иметься в бывшем архиве Департ. гос. пол., и Н. Сергиевский, являющийся, как я уже упомянул, заведующим Ленинградским отделением архива, обязан знать, имеются ли там сообщения о таких кружках. Ясно для всякого, что там *нет их!* В таком случае, на каком же основании гражданин заведующий этим отделением считает себя вправе посылать читателя за розысками доказательств по заведомо ложному адресу? Предоставляю другим судить, насколько дозволителен такой литературный прием...

Я оставил без возражений много выдумок, несуразностей и т. п., в обильном количестве имеющихся в этом замечательном труде «ученого исследователя», потому что за всем этим нет возможности угнаться, — потребовалось бы написать огромных размеров том, чтобы все неправильности опровергнуть. Но на некоторых еще образчиках справедливости, знания и понимания Н. Сергиевским нашего революционного прошлого, относящегося к периоду возникновения группы «Освоб. Труда», все же необходимо остановиться.

Мы уже видели, как этот ученый муж «Письмо к товарищам», автора которого осведомленному человеку нетрудно было отгадать, приписал члену не существовавшего в Москве соц.-дем. кружка и из этой своей выдумки понастроил бесконечную сеть глубокомысленных выводов. То же самое случилось с найденной у Яновича при аресте рукописью. Из этого наш «механик-мудрец» умозаключает, будто народник-националист Л. Янович, имевший большой уклон к террору, «делал попытку написать соц.-дем. программу, к тому же раньше, чем сделала это группа «Освоб. Труда» (стр. 96).

А это, мол, явствует из того факта, что взятая у Яновича рукопись была написана его рукой, и он признал, что эта программа им, Яновичем, составлена и написана в 1883 г.; следовательно, еще до его поездки за границу, когда, повторяю, он, по собственному его признанию, не только не был марксистом, но и был в некоторых отношениях предубежден против этого направления, он все же составил марксистскую программу! Очевидно, что Янович при допросе, ввиду своих каких-то соображений, взял на себя, в сущности маловажное по обстоятельствам дела, преступление — составление и переписку чьей-то рукописи, текста которой Н. Сергиевский почему-то не приводит, что крайне досадно. Но, даже не видя последнего, я не сомневаюсь, что это не самостоятельное произведение Л. Яновича, а только *переписанное им что-то чужое.*

Если бы мне удалось познакомиться с текстом этой, будто бы, «программы», «составленной Яновичем», я, по всей вероятности, мог бы

решить, кто ее автор. Но наш беспристрастный исследователь умудрился затуманить это дело.

Тем не менее он все же отчасти выдает происхождение документа, авторство которого Янович взял на себя: в числе найденных в уборной общежития Петровской академии разных документов «находились, — указывает Н. Сергиевский, — программы нескольких партий и в том числе «программа социально-революционной группы «Освобождение Труда» (курсив Н. Сергиевского) (стр. 95). Из этого факта наш находчивый «механик» немедленно делает свое столь же удачное, как и все предшествовавшие, умозаключение: «Группа «Освоб. Труда» в своем «извещении», — сообщает он, — призывает сочувствующие кружки к «совместной выработке более полной программы», и московский кружок, получивший это извещение непосредственно по его опубликованию, немедленно приступает в лице Яновича к составлению программы еще в ноябре-декабре 1883 г.» (стр. 95—97, разрядка моя. Л. Д.).

Само собой разумеется, что ни Янович и никто иной в Москве в ноябре-декабре не мог «немедленно приступить к составлению программы», к тому же, как сообщил выше Н. Сергиевский, имеющей заголовок: «Программа социально-революционной партии «Освобождение Труда».

Будь наш «механик» столь же остер по части истории русск. рев. движения, сколь быстр он в делании мудрых умозаключений, имея он такую пламенную любовь к открытию истины, подобную испытываемому им влечению ко всякого рода мистификациям, выдумкам и фантазиям, я уверен, что даже на основании им же указанных немногих данных относительно взятого у Яновича документа, он мог бы почти безошибочно сообразить, кто был действительным автором найденного у Яновича документа. Не видев лично последнего, я все же, полагаю, буду ближе к истине, когда скажу, что взятая Яновичем на себя «программа» вовсе не существовавшей «социально-революционной партии «Освоб. Труда» была, вероятно, не больше как переписанное им чье-либо из наших, — скорее всего плехановское, или аксельродовское (другое еще), — «Письмо к товарищам». По получении от студента Светлицкого наших писем Янович нашел в них многое правильным и симпатичным, но рядом с этим он кое-что, вероятно, признал неподходящим для распространения среди молодежи, например, указания на нашу приверженность к немецкой соц.-дем. Возможно, что поэтому он переписал полученное письмо и прибавил к нашему названию «Освобождение Труда», «социально-революционную группу или партию», а при допросе назвал себя автором, чтобы не показать связи с эмигрантами, не навести жандармов на Светлицкого, легально ездившего за границу и т. п.

Приведши выдержку из «Объявления об издании «Библиотеки современного социализма», в которой мы, члены группы «Осв. Труда», обращались к сочувствующим с просьбой о поддержке, об обмене

услуг и т. д., наш знаток истории русск. рев. движения замечает: «Как будто из приведенного места вытекает, что группа знала о существовании в России и за границей кружков и лиц, сочувствующих ее взглядам; мало того, она даже предлагала совместно выработать программу. Так что же Дейч утверждает, что в сентябре 1883 г. он обращался с таким предложением не к реально существующему, а к пустому месту? Я пасую перед таким остроумием» (стр. 91).

Наш правдивый исследователь по обыкновению не указывает, где именно я это «утверждал». Но мне нетрудно вспомнить, что в действительности было мною сообщено и в карикатурном виде представлено здесь нашим мудрецом в приведенной выдержке.

«С такими же оказиями, — сказано мною в Сборнике группы «Осв. Труда» № 1 — мы посылали без определенных адресов, а вообще — революционной молодежи в России обширные письма, в которых, изложив наши задачи, просили об оказании материальной поддержки нашему предприятию, а также о присылке уполномоченных для более подробных переговоров с нами» (стр. 19).

Спрашивается, дал ли я этими фразами правдивому исследователю основание приписать мне «утверждение, что в сентябре 1883 г. я обращался не к реально существующему, а к пустому месту?» Имеется ли в моих словах хотя бы намек на подобное толкование? Ясно, что сей «пасующий перед моим остроумием» джентльмен приписал мне им же сочиненные «утверждения», после чего вздумал еще поломаться, пофиглярничать по поводу будто бы мною сказанных нелепостей. Напрасно стали бы мы доискиваться, при чем здесь мое «остроумие», так как нам уже известно, что этот ученый большею частью рассуждает по силлогизму двуступня — «в огороде бузина и т. д.».

Мне не за чем далее, полагаю, пространно объяснять лицам, не придерживающимся этой логики, что посылать письма из эмиграции с оказиями «вообще революционной молодежи в Россию» не то же самое, что «к пустому месту», но и не то же самое, что в определенные марксистские группы. Своим пасованием перед таким будто бы моим «остроумием» Н. Сергиевский, кроме присущего ему беспристрастия, обнаруживает еще тонкое понимание изображенного мною в статье «Первые шаги группы «Осв. Труда» периода ее возникновения. Не в одном только этом случае он проявляет свои глубокие познания, — в его трактате аналогичных суждений не оберешься. Вот еще образчики.

«Факт появления и распространения идеологии «группы Благоева», — сообщает наш мыслитель, — не только представляет собою характерный пример блуждания соц.-дем. мысли, но и является доказательством ничтожности идейного влияния группы «Осв. Труда» в тот период на туземные революционные сферы» (стр. 105, разрядка моя. Л. Д.). В скобках обращаю внимание, что у этой соц.-дем. группы автор отмечает шатание соц.-дем. мысли. А на следующей странице он же находит правильными сообщения моего петербургского корреспондента, уведомлявшего, что «даже самые ярые наши противники, т.-е. самые глупые народолюбцы говорят о «новом направлении», как о чем-то получившем право гражданства». После этого Н. Сергиевский замечает:

«Из этого следует, что «новое направление» было неизвестно в Питере революционной интеллигенции и, наверно, рабочим». А так как «корреспондентом» был наш делегат Гринфест, то ясно из только что приведенного, что «влияние нового направления», т.-е. группы «Освоб. Труда» вовсе не было «ничтожным», как было заявлено на предыдущей странице. И много раз еще в дальнейшем Н. Сергиевский продолжает заявлять, что «влияние группы «Осв. Труда» было ничтожно», «незначительно», после чего им же приводимые затем выдержки говорят решительно противоположное. Так, на 163-й стр. читаем: ...«слабо было идейное влияние группы на российскую интеллигенцию», а на следующей наш автор без возражений цитирует заявление М. Лядова о том, что «брошенные группой семена соц.-дем. далеко не погибли... Громадность ее заслуги обнаружилась уже в том, что она заставила мысль своих читателей работать в известном направлении» (стр. 164—165).

Говорить о ничтожном влиянии группы «Осв. Труда» можно только проникшись тем «расположением», какое к ней питали народовольцы, народники и лица типа беллетристического «историка»; все же остальные, более беспристрастные, современники констатируют огромное влияние, которое оказывали члены этой группы как своими литературными произведениями, так и устными беседами. Достаточно для этого сослаться на воспоминания разных лиц, печатающиеся в наших сборниках и в других изданиях. Огромные массы русской молодежи, учившейся в многочисленных высших учебных заведениях за границей, куда гнали ее господствовавшие на родине «порядки», с энтузиазмом слушали лекции, рефераты и беседы в особенности, конечно, Плеханова, но также Аксельрода и Засулч, и затем, по возвращении в Россию, разносили «новое направление» по всем концам обширной страны.

Если мы примем во внимание изложенные мною в статье «Первые шаги» и т. д., всевозможные и невероятные трудности, усугубившиеся еще после моего ареста, то нужно быть бесчувственным человеконенавистником, чтобы отрицать колоссальную роль, какую в ту мертвую полосу русской истории сыграли Плеханов и его товарищи.

Между тем, наш глубокомысленный ученый относится к ним с высоты своего величия: он на каждом шагу «критикует» литературные произведения Георгия Валентиновича, сопровождает их убогими замечаниями, вроде: «Этот призыв никак не может быть назван блестящей марксистской и соц.-дем. страницей Плеханова» (стр. 147). Прямо, можно сказать, сразил бедного Георгия Валентиновича: воображаю, в какое уныние он впал бы, доживи он до настоящего момента и прочти эту сногшибательную диссертацию Н. Сергиевского, являющегося достойным преемником столь же «ученого» беллетриста — историка Махновца. Вот еще образчик глубокого понимания и справедливой оценки одного из наилучших произведений Плеханова.

«Факты такого рода самозарождений идеологии являются новым доказательством, как слабо было идейное влияние группы на российскую интеллигенцию», — повествует наш знаток того периода, на стр. 163, и там же он поясняет: «Народнические предрассудки нужно было бить

не тощей по научному багажу брошюрой о разногласиях (слышите! Л. Д.), а серьезной экскурсией в область «российской действительности»... «Нужно было доказать, что народнические иллюзии о самобытном ходе российской истории... не имеют под собой никакой научной почвы... Одним словом, не было еще марксистской российской науки» и т. д. (стр. 164).

Да, рано умер Г. В.: он еще более бы наострился, когда бы у Н. Сергиевского немного поучился...

Думаю, могу на этом закончить, хотя далеко не исчерпал даже десятой части всех имеющихся в чудной диссертации нового ученого драгоценностей, красот, открытий глубоких истин и т. д. Но где же нам тягаться с титаном мысли и знатоком нашего революционного прошлого, имеющего такого протектора, как В. И. Невский: ведь они меня раздавят своей ученостью, в порошок сотрут. Все же, куда ни шло, — попробую сделать кое-какие замечания и по поводу литературных упреждений самого редактора «Ист.-Рев. Сборн.» № II.

Если Н. Сергиевский, как мы видели, является выдающимся специалистом по истории нашего революционного движения, то В. И. Невского, наряду с этим, надо еще причислить к философам ее, так как он имеет большую склонность к широким и глубоким обобщениям. Своим проникновенным взглядом он охватывает все обширное наше революционное прошлое, освещает его яркими лучами и затем делает изумительные по богатству мысли, выводы. Неудивительно, поэтому, что, витая в абстрактных сферах, он нередко проходит мимо многих неверных исторических сообщений и не только дает место в редактируемых им сборниках некоторым извращениям и измышлениям, но при этом еще усиленно их рекомендует, расхваливает. Об этом, однако, ниже, — остановимся сперва на философских взглядах В. И. Невского.

Уже в конце 70-х г.г. он констатирует среди действовавших тогда революционеров «две классовые прослойки» — «буржуазную и пролетарскую»; в первую он зачисляет: Желябова, Присецкого, Перовскую, Корбу, Якубовича, соц.-рев., кадетов, во вторую — Плеханова, Аксельрода, Засулич, Дейча и всю русскую соц.-дем.» (стр. 24 — 25). Иначе говоря, лиц, действовавших на революционном поприще до возникновения группы «Освобождение Труда», наш философ причисляет к «буржуазно-демократической интеллигенции». Конечно, это неверно, — пришлось бы признать также Герцена, Чернышевского, Добролюбова, Лаврова и многих других «буржуазными демократами», с чем никак нельзя согласиться. Названные мною, как и перечисленные В. И. Невским лица являлись сторонниками утопического социализма, что совсем не тождественно с буржуазным демократизмом. Бывало — и нередко, что утописты переходили в буржуазный лагерь, но, как известно, случалось аналогичное и с марксистами.

Далее, объяснять, — как это делает В. И. Невский, — раскол в «Земле и Воле» «классовой дифференциацией», которую переживала

страна, значит притягивать за волосы «материалистическое объяснение», которое в данном случае не при чем.

Столь же прав этот «философ», когда возражает против моего сообщения о нашем разрыве с народовольцами, что таковой, как я утверждаю, произошел не на почве теоретических, принципиальных разногласий, а вследствие *личного нашего расхождения* с ними, вызванного историей с перехваченными Тихомировым и Ошаниной, при содействии Судейкина и Дегаева, писем ко мне Стефановича.

Ко всему подходящий с «материалистической точки зрения» В. И. Невский поучает меня заимствованными из моих же статей рассказами и сообщениями о существовавших у нас теоретических разногласиях с народовольцами: это называется моим добром мне же и бьет челом, за что я, конечно, не могу не быть ему чрезвычайно признательным. Тем не менее, осмеливаюсь повторить, что разрыв произошел не из-за теоретических разногласий, хотя я никогда не отрицал наличия последних. Если этот, так же как и Н. Сергиевский, большой зблатор нашего революционного прошлого удосужится прочесть статью Плеханова «Почему и как мы разошлись с редакцией «Вестн. Нар. Воли»¹⁾, он быть может увидит, что и Г. В. объясняет наше расхождение совсем не принципиальными разногласиями. Для ознакомления лиц, не имеющих возможности прочитать этот ставший библиографической редкостью номер «Искры», приведу самые лаконичные сообщения из обширного фельетона Плеханова, посвященного этому вопросу.

Передав о выраженной Тихомировым готовности постепенно превратить «Вестн. Нар. Воли» в соц.-дем. орган, Г. В. объясняет эту его готовность «дипломатией, равнодушием к теории и его разочарованием в народовольческой программе, а также его желанием привлечь нас к своей партии». «Но что бы там ни повлияло, — замечает далее Г. В., — а договор был заключен, и в результате его явилась моя заметка о книге Аристова», в которой, замечу, Плеханов развил вполне марксистские взгляды. Затем Г. В. пишет: «еще яснее высказался я в статье «Социализм и политическая борьба», при чем Тихомиров решительно ничего не возражал против развитых в ней марксистских взглядов²⁾, он «лишь морщился и усиленно зевал» по поводу резкой критики «Нар. Воли», названной хотя «самой революционной, но зато и самой беспринципной из всех существовавших у нас революционных партий». Тем не менее, статья эта была принята. Как же Плеханов излагает произошедший вдруг разрыв?

«Но... человек предполагает, а тайная полиция располагает», — так начинает Г. В. свой рассказ об этом, после чего сообщает о своей встрече на улице Женева приехавшего вдруг туда Дегаева. А на следующий день состоялось у нас собрание, на котором, к крайнему нашему изумлению, Тихомиров заявил, что они, народовольцы, не могут согласиться на наше присоединение всей группой. Для нас было ясно,

¹⁾ См. «Искру», № 54, 1903 г. 1/1.

²⁾ См. его письма к Лаврову, в Сборн. Группа «Осв. Тр.», № 1-й.

что вдруг в наши с ними отношения вмешался какой-то посторонний, третий элемент, но какой именно, мы, конечно, не могли отгадать¹⁾.

«Мне остается прибавить только два слова» — писал в конце своего фельетона Плеханов — «Дегаев уже был тогда в сношениях с Судейкиным, чего не подозревали ни мы, ни Тихомиров. Стало быть дегаевская поездка за границу для передачи Тихомирову мнения «молодых товарищей» о сближении его с нами не обошлась без участия Судейкина. Думайте об этом, что хотите, я же повторяю: человек предполагает, а тайная полиция располагает».

Я целиком подписываюсь под этим рассказом, но он неполон, что я и указал в названной своей статье, так как Г. В. тогда не знал содержания писем Тихомирова к Лаврову, попавших мне в руки уже после его смерти.

Как видит читатель, Плеханов также ни единым словом не упоминает о теоретических разногласиях, как о причине нашего расхождения. Естественно, поэтому, спросить, на каком основании В. И. Невский, знающий об этом обстоятельстве из наших же только рассказов, берет на себя смелость тоном ментора поучать нас: «нет, вы неправильно излагаете причину вашего разрыва», — таким образом выходит, что он это дело лучше нас знает, так как прочел о нем в наших же статьях, после чего, вкривь и вкось, приводит из них выдержки. Полагаю, каждый читатель, знакомый с элементарной логикой, согласится, что употребляемый В. И. Невским прием опровержения нас очень оригинален.

...«Право же, — утверждает этот выдающийся знаток нашего революционного движения, — не имеет никакого значения то обстоятельство, что Тихомиров не желал, чтобы Л. Г. Дейч участвовал в общем деле, или то обстоятельство, что тогдашний лидер «Нар. Воли» называл Дейча обидной кличкой («ехидное животное»)» (стр. 25 — 26).

Прежде всего, я нигде не упоминал о том, что Тихомиров «называл меня обидной кличкой»; я только поместил его письма к Лаврову, в одном из которых она приведена. Следовательно, В. Невский *уже от себя* прибавил, что «лидер «Нар. Воли» так меня называл»; затем, я никогда не писал, будто «это обстоятельство» играло какую-либо роль в нашем разрыве, как можно заключить из произвольного, крайне неверного, его изложения.

Что же касается нежелания Тихомирова, чтобы я участвовал в общем деле, то, говоря словами специалиста редактора. — «право же это обстоятельство имело значение», и я уверен, что это подтвердят здравствующие П. Б. Аксельрод и Р. М. Плеханова, несколько ближе, как известно, знакомые с историей нашего разрыва с народовольцами, чем В. Невский.

Я, конечно, не лъщу себя надеждой убедить в этих промахах, как и в многочисленных других, делаемых сплошь и рядом В. И. Невским в его трактованиях нашего революционного движения. Убедить

¹⁾ См. подробно об этом в моей статье: «О сближении и разрыве с «н. в.», «Прол. Рев.», 1923 г. 8/20.

можно лишь того, которому дорога истина, кто желает постичь ее: В. И. Невский не из этой категории писателей, в чем легко убедиться даже на основании одного лишь разбираемого мною здесь сборника, вышедшего под его редакцией. Дорожащий, любящий правду писатель не расхваливает, не рекомендует статей, полных вопиющих извращений, подтасовок и прямых глумлений над нашим революционным прошлым, каковыми являются воспоминания О. Аптекмана по поводу «Черного Передела» и «исследования» Н. Сергиевского о группе «Освоб. Труда». В. И. Невский имеет своеобразный взгляд на правду в исторических материалах, в воспоминаниях, исследованиях, — он прямо пишет, что не существенно, сколько бы ошибок ни было в статьях. «Историки в свое время исправят их» (стр. 268). В просторечьи это уже не означает «ври, но меру знай», а — ври, сколько влезет. Что и говорить, взгляд оригинальный!

Кроме обширной статьи, посвященной группе «Освоб. Труда», не представляющей, как мы уже видели, большого вклада в историю нашего революционного прошлого, В. И. Невский еще снабдил напечатанную в этом же сборнике мою статью о «Черном Переделе» замечательным предисловием, на котором для своего оправдания остановлюсь несколько подробнее. Замечу предварительно, что, рассчитывая, очевидно, на непонимание читателей, на их неспособность разобраться, В. Невский в своем предисловии далеко не точно передает мои сообщения, взгляды, делает из них неправильные заключения, уклоняется от прямого ответа и т. д. Начнем по порядку.

Как легко может убедиться читатель, я в своей статье о «Черном Переделе», указал на *огромное число* грубейших ошибок, несправедливых нападок на умерших и извращений, заключающихся в статье О. Аптекмана, которую В. Невский в предпосланном ей предисловии, тем не менее, назвал *лучшим комментарием* к переходной эпохе. Вместо того, чтобы после сделанных мною на этот счет указаний признать свою ошибку и прямо заявить, что, мол, увлекся, зарпортовался, как обязан поступить правдивый писатель, В. Невский из оборонительного положения перешел в наступательное.

Признав, что в статье Аптекмана «без сомнения имеется много неверных утверждений», этот находчивый редактор опровергает меня:

«Такие же неверные утверждения имеются, конечно, и у Л. Г. Дейча. В виде примера можно привести утверждение Л. Г. Дейча, что «Короткевич, кажется, не входил в общество «Земля и Воля» (стр. 267; разрядка моя. Л. Д.).»

Итак, если человек говорит: «кажется», то это означает, что он «утверждает», а не выражает только *предположение*! Но допустим, что это правильно в логическом отношении, — может ли такое «неверное, будто бы, утверждение» идти в какое-либо сравнение с буквально десятками грубейших искажений, на которые я указал в статье Аптекмана, хотя далеко не все привел. Далее, пусть указанное *единственное* мое, будто бы, тоже «неверное утверждение» компенсирует *все* сделанные Аптекманом извращения, — следует ли из этого, что В. Невский, признающий теперь наличие в статье Аптекмана «многих

неверных утверждений», может этим оправдать свой отзыв о его произведении, как о «лучшем комментарии к указанной эпохе»? Что получается из объяснения В. Невского: так как и в статье Л. Дейча тоже имеются «неверные утверждения», значит я, В. Невский, вправе был признать статью Аптекмана лучшим комментарием». Удивительная, не правда ли, логика! В. Невский уподобляется здесь уличенному в неблаговидном поступке шкодливому школьнику, который вместо признания своей вины взводит на обвинителя не совершенный последним проступок.

Я показал далее, что О. Аптекман в совершенно ложном свете представил в своей статье дело В. Засулич, что его изображение противоречит многочисленным рассказам и свидетельствам современников, в том числе его собственному, находящемуся в его книге «Земля и Воля»¹⁾. Тем не менее В. Невский вновь берет на себя роль ментора и приводит мне в поучение соображения, совершенно извращающие значение одного из крупнейших фактов нашего революционного прошлого.

«Л. Г. Дейч, — повествует затем этот защитник искажений в воспоминаниях, — указывает (и совершенно правильно), что нельзя сводить к личным качествам Плеханова и Тихомирова причины раскола «Земли и Воли». Да, правильно, это не научно и ничего не объясняет. Но ведь Л. Г. Дейч и сам в своей очень ценной во многих отношениях статье тоже ни слова не говорит о причинах раскола, так что и его самого можно упрекнуть в том же, в чем он упрекает своего бывшего товарища по организации» (стр. 268; разрядка моя, Л. Д.).

Прежде всего я не писал, что «нельзя сводить к личным качествам», но доказывал, что *вовсе не было личной причины*, а были исключительно *принципиальные разногласия*, как между членами редакции «З. и В.», так и между всеми остальными членами, поделившимися на «деревенщиков» и «террористов». Ясно, что ловкий школьник-редактор подсовывает мне свое толкование. Второе же его заявление, будто и я «ни слова не говорю о причине раскола», совершенно неверно, так как из 50 страниц, которые занимает моя статья, по крайней мере, 15 почти целиком заняты изложением причин раскола. Ну, разве этот редактор не напоминает своею смелостью шаловливого школьника?

Если бы заявление В. Невского, что в моей статье «*тоже нет ни слова о причинах раскола*» было верно, — как же в таком случае, может «редактор» находить ее очень «ценной во многих отношениях»? Она, наоборот, была бы никуда негодной, т.-е. такой же неправдивой, а следовательно, вредной, какой является статья О. Аптекмана о «Черном Переделе». Этого, очевидно, наш бойкий школьник не может понять.

Возражая в своей статье О. Аптекману по поводу неверного его освещения чигиринского дела, я, между прочим, сослался на Плеханова как на последовательного, выдержанного марксиста, тем не менее не отнесшегося резко отрицательно к нам, участникам этого заговора. «Зная, — заявил я, — с одной стороны, насколько серьезно Плеханов относился ко всему, что революционно и, наоборот, к тому,

¹⁾ См. мою рецензию о ней в «Каторге и ссылке», 1924 г., № 3/10.

что реакционно, помня о том, как беспощаден он был ко всякому оппортунизму, — читатель, полагаю, скорее согласится со взглядом на чигиринское дело Плеханова, чем Аптекмана, далеко не являющегося образчиком ортодоксального марксизма, иначе он не мог бы состоять членом общества «Народное Право», которое, как известно, проповедывало необходимость свернуть социалистическое знамя» (стр. 275).

Это мое объяснение также не по плечу шаловливому редактору, корчащему из себя взрослого и потому начинающему вдруг басом читать другим нотации:

«К чему же такой тон, который допускает тов. Дейч по отношению к тов. Аптекману, упрекая его, напр., в том, что он вступил в свое время в «Народное Право»? Неужели Л. Г. не ясно, что так аргументировать нельзя ни в каком случае, и что такие доводы так же мало способны подорвать основательность суждений Аптекмана, как если бы кто-нибудь вздумал оспаривать правильность исторических выводов самого Дейча ссылкой на то, что он отдал предпочтение правому крылу соц.-дем. перед левым?» (стр. 268; разрядка моя. Л. Д.).

Здесь, не говоря уже про уморительный тон, что ни фраза, то в своем роде перл. Прежде всего, я вовсе не «упрекал» Аптекмана за вступление в «Народное Право», а лишь сослался на этот факт в доказательство его неортодоксального марксизма, что необходимо было сделать для опровержения претенциозного и несправедливого его отношения к чигиринскому делу. Очевидно, различия между «упреком», ни к селу ни к городу, будто бы, мною сделанным, и подкреплению своих доводов сравнением ортодоксальности Плеханова с оппортунизмом Аптекмана, смелый редактор не в состоянии уловить, почему он и наговорил вновь немало «оригинального», в том числе и о моем будто бы предпочтении правого крыла соц.-дем.

Но шедевром ловкой защиты Невским Аптекмана и заодно себя самого, признавшего никуда негодную статью «лучшим комментарием», является конец предисловия этого оригинального редактора, где он спрашивает:

«Помогает ли хоть на лоту выяснить вопрос о расколе «Земли и Воли» полемический прием тов. Дейча о вычурном слого Аптекмана?».

Здесь вновь наш школяр обнаружил свою полную неподготовленность к редакторской функции, так как я не в качестве «полемического приема» упомянул про чересчур вычурный стиль статьи Аптекмана, а потому, что всякого читателя, обладающего малейшим литературным вкусом, не может не раздражать напыщенность, обилие деланных, искусственных фраз и словечек, которыми изобилует статья о «Черном Переделе». По поводу же того, что и о моем стиле этот высокий ценитель литературных произведений может, как он заявляет, сделать «немало весьма суровых критических замечаний», могу лишь выразить крайнее сожаление, что замечательный редактор ограничился только угрозой.

У каждого, мне кажется, здравомыслящего человека, по прочтении разбираемого мною здесь Сборника, должен возникнуть вопрос: каким образом попала в него моя статья? Я, поэтому, считаю необходимым сказать несколько слов в свое оправдание.

Когда В. И. Невский осенью 1923 г. стал усиленно просить меня написать статью о «Черном Переделе» для задуманного им юбилейного номера Сборника по поводу 40-летия группы «Освобождение Труда», — мне его литературная физиономия была мало знакома, а о Н. Сергиевском, повторяю, я совершенно ничего не знал. Только по прочтении указанных выше произведений этих двух достойных, но неизвестных мне писателей, я понял, в какой прекрасной компании я очутился. Само собой разумеется, я, поэтому, чрезвычайно благодарен В. Невскому за доставленное им своим приглашением мне счастье участвовать в таком превосходном Сборнике. Благодаря уделенному мне этими выдающимися писателями вниманию, я получил возможность приобрести от них чрезвычайно ценные сведения, поучения, указания и т. д. Я увидел, какие крупные в разных отраслях знаний сделали они открытия, к сожалению, мало известные вне России. Особенно, конечно, замечательны истины, развитые в прекрасном исследовании Н. Сергиевского. Но и у В. Невского, как мы видели, немало ценных открытий, кроме совета не смущаться извращениями без всякой меры нашего революционного прошлого.

Да, истинно верна поговорка: век жири, век учись! Не могу, поэтому, не повторить, что сугубо тяжело сознавать, что мои друзья, сошедшие в могилу, потеряли столь прекрасную возможность еще многому поучиться у авторов посвященного юбилею их деятельности Сборника.

Из фондов Российской Федерации